

На правах рукописи

ПАНИН Никита Алексеевич

**ЮАР И НИГЕРИЯ В МНОГОСТОРОННИХ
ИНСТИТУТАХ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЛИДЕРСТВА**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва
2026

Диссертация выполнена в Центре изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки ФГБУН Институт Африки Российской академии наук.

Научный руководитель:	Волков Сергей Николаевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки ФГБУН Институт Африки РАН
Официальные оппоненты:	Панцеров Константин Арсеньевич, доктор политических наук, доцент, профессор Кафедры теории и истории международных отношений ФГБОУВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ) Лошкарёв Иван Дмитриевич, кандидат политических наук, доцент Кафедры политической теории ФГАОУВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ» (МГИМО МИД РФ)
Ведущая организация:	Московский государственный университет (МГУ) имени М.В. Ломоносова

Защита диссертации состоится « ____ » _____ 2026 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета 24.1.033.02 по историческим и политическим наукам при ФГБУН Институте Африки РАН по адресу: 123001, Россия, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте ФГБУН Институт Африки РАН (<https://www.inafran.ru/>).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета, к.и.н.

Грибанова
Валентина Валерьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В последние годы система международных отношений всё отчётливее приобретает полицентричный характер, что выражается в усилении значимости развивающихся государств Глобального Юга наряду с трансформацией роли традиционных центров силы. Речь идёт не просто об увеличении количества государств, способных воздействовать на региональные и глобальные процессы и вносить свой вклад в определение международной повестки, но о качественном сдвиге в логике функционирования всей мировой системы. В этих условиях согласование интересов между государствами также усложняется, формируя ещё более сложную конфигурацию мировой системы.

На фоне этих сдвигов многосторонние институты сохраняют своё значение в обеспечении управляемости и предсказуемости международных процессов, а также продолжают играть координирующую роль в решении международных проблем усилиями государств. Хотя многие международные организации и объединения всё чаще подвергаются критике за излишний бюрократизм, недостаточную эффективность, медлительность в реагировании на кризисы или зависимость от конъюнктуры и интересов сильнейших держав, большинство стран мира по-прежнему видят в таких форматах незаменимый инструмент обеспечения своих национальных интересов и решения внешнеполитических задач.

Особенно заметно эта динамика проявляется в контексте растущих амбиций стран Глобального Юга, для которых эффективное отстаивание интересов неразрывно связано с потребностью в прочном присутствии на ключевых международных площадках.

В этом плане государства Африки занимают особое место. Нынешняя роль стран Африки в мировой системе определяется не только сырьевыми и энергетическими ресурсами, или растущим демографическим потенциалом, но и тем, что именно в странах континента наиболее остро ощущаются основные вызовы глобальной безопасности в преломлении к её конфликтным,

продовольственным, экологическим и иным аспектам, что делает решение наиболее значимых мировых проблем невозможным без действенного участия африканских государств, в том числе в рамках многосторонних форматов.

На этом фоне заметным становится стремление государств Африки не просто быть частью коллективных институтов и многосторонних механизмов, но и через своё участие в них подчеркнуть и легитимировать собственное лидерство, поскольку в условиях полицентричности актуальным становится вопрос о том, вокруг каких стран будут формироваться новые центры силы.

По этой причине некоторые страны нацелены на закрепление за собой роли лидера либо в географическом измерении (в пределах субрегиона), либо в отдельной функциональной сфере (климатическая повестка, цифровая трансформация, ядерное разоружение и пр.). Такая стратегическая установка государств приводит к дальнейшей структуризации и иерархизации системы международных отношений, особенно если на региональном уровне имеет место усиление государства-лидера, вокруг которого постепенно формируется коалиция стран с близкими интересами. Африка южнее Сахары не является исключением: динамика региональных процессов показывает, как отдельные государства стремятся закрепить за собой статус лидера и «голоса Африки» на мировой арене.

В силу этого растёт и практический интерес к внешнеполитическим стратегиям таких стран. Среди государств Африки южнее Сахары (АЮС) наиболее заметными претендентами с явными лидерскими амбициями выступают ЮАР и Нигерия. Хотя за последние годы их влияние несколько сократилось из-за стагнирующей экономики ЮАР и сохраняющихся в Нигерии проблем с безопасностью и вытекающими из них экономическими издержками, лидерские устремления обеих стран опираются на серьёзный экономический потенциал и демографический вес, относительную военно-техническую мощь и активную внешнюю политику.

Несмотря на различия в подходах к многосторонней дипломатии, и ЮАР, и Нигерия последовательно выступают за реформу международных

институтов, включая органы системы ООН и Бреттон-Вудса. Претензии двух государств на постоянное членство в Совете Безопасности ООН отражают их стремление не только усилить собственное влияние на мировые процессы, но и институционализировать вовлечённость государств Африки в обсуждения международной повестки. Таким образом, ЮАР и Нигерия в целом выражают общий запрос стран Африки на справедливую трансформацию мирового политического и экономического устройства.

Вместе с тем региональное лидерство этих двух держав не бесспорно. Заявления ЮАР, и Нигерии о готовности представлять интересы стран Африки южнее Сахары сталкиваются с несогласием ряда из них видеть в них лидера. Кроме того, внешняя политика Претории и Абуджи всё же подвержена определённой политической конъюнктуре, что создаёт некоторые противоречия в их политике в многосторонних институтах. Наконец амбиции стать региональным лидером подогревают и соперничество между двумя странами.

Российский контекст придаёт теме диссертации дополнительную актуальность. В последние годы Москва повысила уровень вовлечённости в процессы, происходящие в Африке, и существенно изменила подход к выстраиванию отношений со странами региона. Подтверждение этому — саммиты «Россия – Африка», рост торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей, а также переход к более тесному политическому сотрудничеству, в том числе в ООН и других организациях. Россия продвигает и концепцию полицентричного миропорядка, признавая Африку в качестве самобытного центра.

В этой связи категоризация государств Африки в разрезе регионального лидерства и глубокое понимание целей и мотивов их внешнеполитической деятельности имеют принципиальное значение для поддержания динамизма в развитии отношений со странами континента, позволяя лучше учитывать особенности регионального контекста и избегать шаблонного подхода.

Научная проблема исследования заключается в том, что, несмотря на объективное повышение роли стран Африки в мировой политике, африканское измерение феномена региональных держав остаётся практически не осмысленным в теоретическом ключе и не подкреплённым эмпирическим набором данных относительно того, какие именно государства и в силу каких факторов могут претендовать на лидерские позиции в регионе. Кроме того, до сих пор недостаточно изучены модели поведения таких государств в стенах ООН и других значимых международных площадок, хотя российская внешняя политика предъявляет практический запрос на более тесную координацию позиций в ООН с африканскими представителями «мирового большинства» по ключевым вопросам международной повестки.

В частности, остаётся открытым вопрос, каким образом ЮАР и Нигерия расставляют приоритеты своего участия в системе ООН и других форматах глобального и межрегионального уровня и как они совмещают национальные интересы с амбициями быть «голосом Африки».

Объект исследования — внешняя политика ЮАР и Нигерии в отношении многосторонних институтов глобального управления.

Предмет исследования — специфика интересов, которые ЮАР и Нигерия стремятся обеспечить своим участием в многосторонних институтах на фоне становления этих двух государств в качестве региональных держав в Африке южнее Сахары.

Цель исследования — концептуализация политической роли ЮАР и Нигерии в качестве региональных лидеров в АЮС через анализ их интересов в международных организациях и «сетевых» дипломатических клубах.

Достижение цели исследования предполагает решение ряда **научных задач**:

— уточнить и разграничить понятийные характеристики «региональных» и «средних» держав применительно к специфике Африки южнее Сахары и разработать комплексный количественный инструментарий оценки влияния отдельных государств этого региона;

- провести сравнительный анализ ресурсов влияния ЮАР и Нигерии и обосновать, почему именно эти государства рассматриваются в работе как основные претенденты на статус государства-лидера в Африке южнее Сахары;
- описать значение многосторонней дипломатии в реализации лидерских устремлений государств и охарактеризовать международные институты как канал реализации этих амбиций;
- раскрыть и сопоставить стратегии взаимодействия ЮАР и Нигерии с ООН в разрезе эффективности и последовательности предпринимаемых ими шагов;
- выявить механизмы укрепления влияния ЮАР и Нигерии за счёт участия в сетевых («клубных») и межрегиональных многосторонних форматах.

Выделяемые в рамках работы главы соответствуют этой логике, предлагая переход от рассмотрения вопроса в теоретико-политологической плоскости к непосредственному анализу характерных черт дипломатии ЮАР и Нигерии на глобальном уровне в ООН, G20 и БРИКС, а также особенностей их участия в таких межрегиональных форматах, как АРСИО или Движение неприсоединения.

Гипотеза исследования заключается в том, что сопоставление практики участия ЮАР и Нигерии в таких многосторонних форматах, как ООН, БРИКС, G20, Содружество наций, Движение неприсоединения, может позволить более точно подойти к оценке их статуса как ведущих лидеров в Африке южнее Сахары. Предполагается, что оба рассматриваемых государства — и ЮАР, и Нигерия — могут быть отнесены к категории региональных лидеров в АЮС. Однако объективные предпосылки в виде ресурсов влияния, экономического потенциала, дипломатической активности на международной арене и разных политических амбиций будут непосредственно сказываться на том, насколько лидерский статус в практическом плане подкрепляется внешнеполитическими действиями в случае каждого из государств.

Теоретико-методологической основой исследования выступает рамка *неолиберального институционализма* с опорой на ряд теорий среднего уровня (институционального баланса сил, иерархии, статусного стремления,

региональных и «средних» держав). Основопологающим постулатом школы институционализма служит тезис о том, что многосторонние институты не только выступают как инструмент реализации внешнеполитических целей государств, но также снижают уровень анархии в международной системе, создавая более благоприятные условия для сотрудничества между странами¹. Однако эта парадигма теории международных отношений не в полной мере отвечает на вопрос о том, почему государства, не относящиеся к числу наиболее влиятельных игроков, своим участием в многосторонних форматах стремятся не только расширить сотрудничество с другими государствами, но и обеспечить себе более весомое место в международной иерархии.

В связи с этим исследование обращается к теории институционального баланса сил², сторонники которой полагают, что государства используют многосторонние институты не только как механизмы для координации, но и как инструменты структурного ограничения великих держав и влияния на международную повестку. Теория статусного стремления³ показывает, что государства заинтересованы не только в обеспечении безопасности и выгодах экономического сотрудничества, но и в получении престижа и признания за собой более высокого статуса в международной иерархии, чем к этому могут располагать их материальные ресурсы. В этом смысле институты выступают как «сцены» символического признания и каналы легитимации притязаний на особую роль в региональной или глобальной политике.

Наконец важно учитывать иерархическую структуру миропорядка, в которой суверенно равные государства, обладающие разными ресурсами и возможностями, находятся в неравных условиях и потому задействуют разные стратегии для отстаивания своих интересов. В частности, теория иерархии⁴

¹ Keohane R., Martin L. The Promise of Institutional Theory / *International Security*. — 1995. — Vol. 20. — No. 1. — Pp. 39–51. <https://doi.org/10.2307/2539214>.

² Kai H. Institutional Balancing and International Relations Theory: Economic Interdependence and Balance of Power Strategies in Southeast Asia / *European Journal of International Relations*. — 2008. — Vol. 14. — № 3. — Pp. 489–518. — <https://doi.org/10.1177/1354066108092310>.

³ Renshon J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics // Princeton: Princeton University Press, 2017. Murray M. The Struggle for Recognition in International Relations: Status, Revisionism, and Rising Powers // Oxford: Oxford University Press, 2019.

⁴ Lake D. Hierarchy in International Relations. Cornell University Press, 2009.

позволяет интерпретировать последовательную ориентацию ЮАР и Нигерии на мультилатерализм как структурно обусловленную стратегию государств, находящихся в промежуточном статусе между великими и малыми державами и компенсирующих дефицит материальных ресурсов за счёт взаимодействия с международными институтами. В свою очередь, обращение к теориям региональных и «средних» держав⁵ позволяет ответить на вопрос, каким целям служит мультипликация влияния ЮАР и Нигерии через институты: а именно на практическом и символическом уровне укрепить свои позиции как игроков, которые могут задавать тон региональным процессам, а также конвертировать это влияние в «право голоса» по отдельным вопросам глобальной повестки.

Важной особенностью методологии настоящего исследования является широкое задействование количественных методов анализа. За последние годы частота их использования в международно-политических исследованиях заметно выросла, поскольку применение комплексных индексов и проведение контент-анализа позволяют конкретизировать теоретические выводы и более объективно оценить соотношение сил на международной арене⁶.

Так, в главе 1 применена разработанная автором методология оценки влияния отдельных стран в регионе — Индекс влияния государств Африки (*Africa Power Index*). Сочетая в себе 28 разных показателей экономического, демографического, технологического, военного и дипломатического влияния, Индекс влияния государств Африки рассчитан для всех 54 государств Африки, входящих в ООН, благодаря чему оказалось возможным не только обосновать лидерский потенциал ЮАР и Нигерии, но и сопоставить влияние всех стран континента, а также выявить, из чего именно оно складывается.

В главе 2 количественные методы были использованы при оценке направленности и последовательности голосования представителей ЮАР и Нигерии в структурах ООН. Так, контент-анализ выступлений глав государств на Генеральной Ассамблее (ГА ООН) через категоризацию и математическое

⁵ Подробный разбор представлен в соответствующей части работы.

⁶ Дегтярев Д.А. Количественные методы в прикладном анализе международных отношений: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2019. 59 с.

кодирование поднимаемых ими проблем позволил уточнить приоритеты и интересы стран в этой организации. Индекс совпадения позиций (ИСП) при голосовании в ГА ООН, также рассчитанный по авторской методологии, позволил оценить, какой из двух стран в большей степени удаётся выстраивать коалиции в ООН и обеспечивать поддержку среди других стран континента. Количественный анализ спонсорства⁷ ЮАР и Нигерией резолюций Совета Безопасности (СБ ООН) и числа представителей стран Африки на ключевых международных должностях, также задействованные в Главе 2, позволили уточнить и дополнительно обосновать основные выводы исследования.

Источниковая база исследования основывается на комплексе материалов, отражающих отдельные аспекты участия Южной Африки и Нигерии в ООН, БРИКС, G20, Содружестве наций, Движении неприсоединения, Организации исламского сотрудничества и других, и включает официальные документы, отчёты, стенограммы, резолюции и коммюнике упомянутых объединений, национальные стратегии государств, публикации аналитических центров, статьи из ведущих газет и журналов, а также международную статистику.

В качестве *первой группы* источников стоит выделить цифровые архивы ООН и других международных организаций. В работе были использованы стенограммы заседаний, заявления представителей стран на сессиях ГА ООН и СБ ООН, проанализированы 89 резолюций, принятых 79-й сессией ГА ООН, 8 резолюций 11-й чрезвычайной сессии ГА ООН по ситуации на Украине, серия из 24 резолюций разных сессий ГА ООН по ситуации в Иране⁸, а также итоговые коммюнике саммитов БРИКС, ИБСА, G20, G77, Содружества и Движения неприсоединения⁹. Эти документы позволяют проследить позицию и мотивы государств, а также эволюцию международных дискуссий. Кроме

⁷ В контексте настоящей работы под этим термином понимается включение страны в список соавторов какой-либо резолюции.

⁸ United Nations Digital Library — <https://digitallibrary.un.org>. UN Meetings Coverage and Press — <https://press.un.org>. UN General Debate — <https://gadebate.un.org>.

⁹ БРИКС — <http://www.nkibrics.ru/pages/summit-docs>. ИБСА — <http://www.ibsa-trilateral.org>. G20 — <http://www.g7g20.utoronto.ca>, <https://www.g20.org>. G77 — <https://www.g77.org>. Содружество — <https://thecommonwealth.org>. Движение неприсоединения — <https://nam.gov.az>, <https://app.unidir.org>.

того, учитывались статистические сводки специализированных учреждений ООН (ФАО, ВОЗ, МОТ, ЮНЕСКО)¹⁰, а сайты межрегиональных организаций (Исламского банка развития, Ассоциации регионального сотрудничества прибрежных стран Индийского океана (АРСИО), Содружества наций и пр.) дополняют картину за счёт пресс-релизов о ходе встреч¹¹.

Вторую группу источников составляют материалы министерств и ведомств, национальных архивов и президентских фондов ЮАР и Нигерии. В частности, значительный массив информации почерпнут из публикаций, размещённых на сайтах Министерства международных отношений и сотрудничества ЮАР, Администрации президента ЮАР, Правительства ЮАР, дипломатических представительств ЮАР, Фонда Нельсона Манделы¹², а в случае Нигерии — Федерального министерства информации, Министерства иностранных дел, Администрации президента, Центрального банка¹³. Эти источники позволяют реконструировать официальные позиции государств, отражая внутреннюю логику принятия внешнеполитических решений и подсвечивая особенности участия стран в многосторонних форматах.

Третья группа источников — публикации ряда ведущих аналитических и исследовательских центров, включая Российский совет по международным делам (РСМД), *Brookings Institution* (США), *G20 Information Center*, *Global Governance Project*, *National Committee for BRICS Research*, *PassBlue* и пр.¹⁴. Подобные материалы отражают экспертное восприятие взаимодействия ЮАР

¹⁰ ФАО — <https://www.fao.org>. ВОЗ — <https://open.who.int>. МОТ — <https://www.ilo.org>. ЮНЕСКО — <https://www.unesco.org>. ПРООН — <https://www.undp.org>. ЮНИСЕФ — <https://www.unicef.org>.

¹¹ Исламский банк развития — <https://www.isdb.org>. АРСИО — <https://www.iora.int>. Содружество наций — <https://thecommonwealth.org>.

¹² Department of International Relations and Cooperation (DIRCO) — <https://dirco.gov.za>. The Presidency of South Africa — <https://www.thepresidency.gov.za>. South African Government / GCIS — <https://www.gov.za>. Brand South Africa — <https://www.brandsouthafrica.com>. Nelson Mandela Foundation Archive — <https://archive.nelsonmandela.org>.

¹³ Federal Ministry of Information and National Orientation (FMINO, Nigeria) — <https://fmino.gov.ng>. State House Nigeria — <https://statehouse.gov.ng>. Ministry of Foreign Affairs of Nigeria — <https://mfa.gov.ng>. Central Bank of Nigeria — <https://www.cbn.gov.ng>.

¹⁴ РСМД — <https://russiancouncil.ru>. G20 Information Centre (University of Toronto) — <http://www.g7g20.utoronto.ca>. Brookings Institution — <https://www.brookings.edu>. Global Governance Project — <https://www.globalgovernanceproject.org>. Pan-African Review — <https://panafricanreview.com>. PassBlue — <https://www.passblue.com>. National Committee for BRICS Research — <http://www.nkibrics.ru>.

и Нигерии с международными площадками и их лидерских амбиций, что даёт возможность соотнести официальные заявления с независимыми оценками и глубже понять мотивы и интересы этих государств.

Информация о текущих событиях, взятая из статей международных агентств (РИА, ТАСС, *Anadolu*, *Associated Press*, *BBC*, *Bloomberg*, *Reuters*, *Xinhua*) и национальных и региональных африканских СМИ (*Daily Maverick*, *IOL*, *Netwerk24*, *Mail & Guardian*, *Punch*, *SABC*, *The Cable*, *The Star*, *Vanguard* и другие), составила **четвёртую группу** источников. Эти публикации отражают контекст рассматриваемых в работе событий, фиксируют реакцию общества и других государств на те или иные внешнеполитические шаги, дополняя динамику внешнеполитической активности Южной Африки и Нигерии в ключевых международных организациях¹⁵.

Отдельный блок источников связан со статистическими данными, которые легли в основу Индекса влияния государств Африки. Прежде всего, расчёты опирались на макроэкономическую и торговую статистику, подготовленную наиболее авторитетными международными институтами (Африканский банк развития, Всемирный банк, МВФ, ЮНКТАД)¹⁶. Кроме того, учитывались данные отдельных аналитических центров и изданий (*Global SWF*, *Jeune Afrique*, *Mining Review*, *Oxford Business Group*, *Statista*)¹⁷, а также отчёты национальных агентств¹⁸ и академические публикации¹⁹.

¹⁵ Reuters — <https://www.reuters.com>. Associated Press — <https://apnews.com>. Bloomberg — <https://www.bloomberg.com>. BBC News — <https://www.bbc.com/news>. Anadolu Agency — <https://www.aa.com.tr>. ТАСС — <https://tass.ru>. РИА Новости — <https://ria.ru>. Xinhua — <https://english.news.cn>. Daily Maverick — <https://www.dailymaverick.co.za>. Mail & Guardian — <https://mg.co.za>. SABC News — <https://www.sabcnews.com>. Netwerk24 — <https://www.netwerk24.com>. IOL — <https://www.iol.co.za>. The Star (Kenya) — <https://www.the-star.co.ke>. Vanguard — <https://www.vanguardngr.com>. Punch Newspapers — <https://punchng.com>. The Cable — <https://www.thecable.ng>.

¹⁶ Всемирный банк — <https://data.worldbank.org>. Международный валютный фонд — <https://legacydata.imf.org/regular.aspx>. ЮНКТАД — <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix>. Африканский банк развития — <https://www.afdb.org/en/documents/>.

¹⁷ Jeune Afrique — <https://www.jeuneafrique.com/classements/>. Oxford Business Group — <https://pnd.african-exchanges.org/>. Global SWF — <https://globalswf.com/ranking>. Statista — <https://www.statista.com/statistics/>. Mining Review — <https://www.miningreview.com/>.

¹⁸ U.S. Geological Survey — <https://www.usgs.gov>. Institute for Defense Analyses — <https://www.ida.org>. Federal Institute for Geosciences and Natural Resources (BGR) — <https://www.bgr.bund.de>.

¹⁹ Ore Geology Reviews (Elsevier) — <https://www.journals.elsevier.com/ore-geology-reviews>. Resources Policy (Elsevier) — <https://www.journals.elsevier.com/resources-policy>.

Степень изученности темы исследования. Усиление полицентричного характера современного мира определило важность изучения региональных подсистем международных отношений и их центров силы политической наукой. Академический интерес к этому направлению оформился в 1970-е гг. и с тех пор прошёл через несколько этапов, связанных с изменением господствующей парадигмы международных исследований. Большое влияние на зарождение полноценной концепции «региональных держав» оказали работы Б. Бузана, Т. Вольги, О. Вэвера, Н. Джессе, Э. Купера, Д. Лэйка, И. Неймана, Д. Нольте, Д. Нэберса, М. Прэйс, М. Уайта, Г. Фуллера, К. Холсти и других²⁰. Публикации отечественных авторов, включая М.В. Братерского, привносят дополнительные нюансы в выделение наиболее характерных черт ведущих региональных государств²¹. В.В. Вершининой обобщены ключевые признаки «держав среднего уровня»²² — ещё одной категории государств, которую тесно увязывают с феноменом регионального лидерства.

В то же время собственно африканский контекст не столь выражено представлен в исследованиях региональных держав. В работах С. Дестради,

²⁰ Buzan B., Wæver O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. — Cambridge: Cambridge University Press. — 2003. Volgy T. J., Gordell K. M. *Rising Powers, Status Competition, and Global Governance: A Closer Look at Three Contested Concepts for Analyzing Status Dynamics in International Politics* // *Contemporary Politics*. — 2019. — Vol. 25. — № 5. — pp. 512–531. <https://doi.org/10.1080/13569775.2019.1621719>. Jesse N., Lobell S., Press-Barnathan G., Williams K. *The Leader Can't Lead When the Followers Won't Follow: The Limitations of Hegemony* // In: Williams K., Lobell S., Jesse N. (eds.). *Beyond Great Powers and Hegemons: Why Secondary States Support, Follow, or Challenge*. — Stanford University Press. — 2012. — pp. 1–30. <https://doi.org/10.1515/9780804781107-003>. Cooper A. F., Flemes D. *Foreign Policy Strategies of Emerging Powers in a Multipolar World: An Introductory Review* // *Third World Quarterly*. — 2013. — Vol. 34. — № 6. — pp. 943–962. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.802501>. Lake D. A. *Regional Hierarchy: Authority and Local International Order* // *Review of International Studies*. — 2009. — Vol. 35. — Pp. 35–58. Østerud Ø. *Regional Great Powers* // In: Neumann I. B. (ed.) *Regional Great Powers in International Politics*. — London: Palgrave Macmillan. 1992. — Pp. 1–15. https://doi.org/10.1007/978-1-349-12661-3_1. Nabers D. *Power, Leadership, and Hegemony in International Politics: The Case of East Asia* // *Review of International Studies*. — 2010. — Vol. 36. — № 4. — pp. 931–949. <https://doi.org/10.1017/S0260210510001373>. Nolte D. *How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research* // *Review of International Studies*. — 2010. — Vol. 36. — № 4. — pp. 881–901. <https://doi.org/10.1017/S026021051000135X>. Prys M. *Hegemony, Domination, Detachment: Differences in Regional Powerhood* // *International Studies Review*. — 2010. — Vol. 12. — № 4. — pp. 479–504. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2010.00957.x>. Wight M. *Power Politics*. — New York: Holmes & Meier. — 1978. Fuller G. E., Arquilla J. *The Intractable Problem of Regional Powers* // *Orbis: A Journal of World Affairs*. — 1996. — Vol. 40. — № 4. — pp. 609. Holsti K. J. *National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy* // *International Studies Quarterly*. — 1970. — Vol. 14. — № 3. — pp. 233–309. <https://doi.org/10.2307/3013584>.

²¹ Братерский М. В. *Вашингтон и новые региональные державы Азии / Россия в глобальном мире: 2000–2011. Хрестоматия в 6 томах*. — Т. 3. — М.: Аспект Пресс, 2012. — С. 206–228.

²² Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // *Сравнительная политика*. — 2020. — Т. 11. — № 3. — С. 25–40. — <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10034>.

А. Купера, Д. Нольте и Г. Фуллера прослеживается тезис о том, что предлагаемые теории и модели должны учитывать региональную, в том числе африканскую, специфику²³. В работах отечественных специалистов также сформулированы определённые концептуальные рамки по этому вопросу. В работе И.О. Абрамовой и Л.Л. Фитуни обосновывается, какие государства Африки можно рассматривать как «региональные сверхдержавы» на фоне полицентризации современного мира²⁴. Региональные державы в Африке также изучаются И.Д. Лошкарёвым и Д.В. Протасовым через соотнесение ряда стран-кандидатов с различными показателями «силы»²⁵. В рабочей тетради И.Д. Лошкарёва, опубликованной РСМД, представлен наиболее развёрнутый анализ, в том числе с учётом стратегий лидерства региональных держав и противоречий между ними²⁶.

Одновременное усиление исследовательского интереса к возможностям и роли международных организаций отражают работы М. Акаши, Дж. Альвареза, Дж. Гифкинса, А. Кента, Д. Панке, И. Суаре, Дж. Фэррала, Х. Хардта, Дж. Хербста и других. В этом поле выделяются отдельные группы авторов, которые рассматривают политику государств в многосторонних институтах в разрезе определённой («нишевой») методологической рамки. В частности, вопросы социализации государств в международных организациях и взаимовлияния на целеполагание и модели

²³ Destradi S. Regional Powers and Their Strategies: Empire, Hegemony, and Leadership // *Review of International Studies*. — 2010. — Vol. 36. — № 4. — pp. 903–930. <https://doi.org/10.1017/S0260210510001361>. Cooper A. F., Fletes D. Foreign Policy Strategies of Emerging Powers in a Multipolar World: An Introductory Review // *Third World Quarterly*. — 2013. — Vol. 34. — № 6. — pp. 943–962. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.802501>. Nolte D. How to Compare Regional Powers: Analytical Concepts and Research // *Review of International Studies*. — 2010. — Vol. 36. — № 4. — pp. 881–901. <https://doi.org/10.1017/S026021051000135X>. Fuller G. E., Arquilla J. The Intractable Problem of Regional Powers // *Orbis: A Journal of World Affairs*. — 1996. — Vol. 40. — № 4. — pp. 609.

²⁴ Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африканский сегмент многополярного мира: динамика геостратегической значимости // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2018. — Т. 62. — № 12. — С. 5–14. — DOI 10.20542/0131-2227-2018-62-12-5-14.

²⁵ Лошкарёв И.Д., Протасов Д.В. Региональные державы Африканского континента: тенденции и перспективы. // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2024. — Т. 68. — № 4. С. 54–65. — <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-54-65>.

²⁶ Лошкарёв И.Д. Региональные державы Африканского континента: стратегии лидерства и взаимные противоречия: рабочая тетрадь № 95 / 2025. // Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД. — 2025. — 40 с.

их поведения изучены в работах Д. Беарс, С. Бонданеллы и А. Кента²⁷. Переговорным практикам государств при подготовке резолюций СБ ООН и формированию тематических коалиций посвящены работы Дж. Гифкинса и Дж. Фэррала²⁸. Публикации А. Дрехера сфокусированы на том, как многосторонние институты позволяют странам минимизировать издержки и извлечь наибольшие выгоды из своего членства в той или иной организации²⁹. Исследования Э. Вэркера, И. Кузименко, Дж. Странда и Дж. Тумана показывают, как голосование государств может зависеть от приоритетов более сильных игроков³⁰. И. Хеннеберг и Ф. Планк, М. Эдвардс и Дж. ди-Чикко рассматривают роль международных организаций в решении вопросов безопасности³¹.

Среди российских исследователей проблемы многосторонней дипломатии изучали Е.Н. Грачиков, Д.А. Дегтярев, В.Ф. Заемский, Т.В. Зонова, М.В. Ларионова, О.В. Лебедева, А.А. Орлов, И.Л. Прохоренко, В.Н. Федоров, А.В. Худайкулова, И.Н. Щербак и другие³². В публикациях

²⁷ Bearce D. H., Bondanella S. Intergovernmental Organizations, Socialization, and Member-State Interest Convergence // *International Organization*. — 2007. — Vol. 61. — № 4. — pp. 703–733. <https://doi.org/10.1017/S0020818307070245>. Kent A. China's International Socialization: The Role of International Organizations // *Global Governance*. — 2002. — Vol. 8. — № 3. — pp. 343–364.

²⁸ Gifkins J. Beyond the Veto: Roles in UN Security Council Decision-Making // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. — 2021. — Vol. 27. — № 1. — pp. 1–24. <https://doi.org/10.1163/19426720-02701003>. Farrall J. et al. Elected Member Influence in the United Nations Security Council // *Leiden Journal of International Law*. — 2020. — Vol. 33. — № 1. — pp. 101–115. <https://doi.org/10.1017/S0922156519000657>.

²⁹ Dreher A. et al. Membership Has Its Privileges – The Effect of Membership in International Organizations on FDI // *World Development*. — 2015. — Vol. 66. — pp. 346–358. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.08.007>.

³⁰ Kuziemko I., Werker E. How Much Is a Seat on the Security Council Worth? Foreign Aid and Bribery at the United Nations // *Journal of Political Economy*. — 2006. — Vol. 114. — № 5. — pp. 905–930. <https://doi.org/10.1086/507155>. Strand J., Tuman J. Foreign Aid and Voting Behavior in an International Organization: The Case of Japan and the International Whaling Commission // *Foreign Policy Analysis*. — 2012. — Vol. 8. — № 4. — pp. 409–430. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2011.00173.x>.

³¹ Henneberg I., Plank F. Overlapping Regionalism and Security Cooperation: Power-Based Explanations of Nigeria's Forum-Shopping in the Fight against Boko Haram // *International Studies Review*. — 2019. — Vol. 22. — № 3. — pp. 576–600. <https://doi.org/10.1093/isr/viz027>. Edwards M., DiCicco J. International Organizations and Preventing War // *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. — 2018. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.407>.

³² Эволюция системы международных институтов / Е. Н. Грачиков, Д. А. Дегтярев, М. А. Никулин, М. С. Рамич // *Конкуренция между США и КНР: возможности для России*. — М.: Аспект Пресс, 2024. — С. 172–189. Заемский В.Ф. Кому нужна реформа ООН. В интересах всех и каждого — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Международные отношения, 2022. — 328 с. Зонова Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы : учебник для вузов — 2-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2017. — 348 с. Ларионова М.В. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления // *Вестник международных организаций*. — 2016. — Т. 11. — № 1. — С. 126–152. — <https://doi.org/10.17323/1996-7845/2016-01-126>. Лебедева О.В. Институты многосторонней дипломатии. — М.: Аспект Пресс, 2019. — 268 с. Орлов А.А. ООН в современном мире: взгляд из Москвы : к 75-летию ООН: монография. — М.: МГИМО-Университет, 2020.

И.О. Абрамовой и А.М. Васильева, С.А. Бокерии, М.В. Ларионовой, Г.М. Сидоровой, В.Г. Шубина и И.Р. Ютяевой проблематика международных институтов увязывается с отдельными вопросами политической африканистики³³, а ключевой работой по взаимодействию государств Африки с ООН остаётся монография А.Ю. Урнова³⁴.

Политика ЮАР и Нигерии в отношении ключевых международных организаций в большинстве работ рассматривается, как правило, без привязки к проблематике регионального лидерства. Тем не менее заслуживают отдельного внимания публикации южноафриканских и нигерийских авторов: А. Абубакара, А. Аде-Ибиджола, Э. Айтах, Д. Ануолувапо, Л. Асуелиме, О. Бакаре, Х. Бесада, Л. Булль, П. Дрейпера, К. Олдена, Г. ле Пэра, Е. Сидиропулос, М. Шумана, Дж. Эбегбулема и других³⁵.

— 251 с. Прохоренко И.Л. Организационная теория в анализе глобального управления // *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. — 2014. — № 3. — С. 150–173. Федоров В.Н. Организация Объединённых Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке. — М.: Логос, 2005. — 940 с. Худайкулова А.В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // *Южно-российский журнал социальных наук*. — 2019. — Т. 20. — № 4. — С. 109–126. — DOI 10.31429/26190567-20-4-109-126. Щербак И.Н. Антикризисная стратегия международных организаций — М.: МГИМО-Университет, 2022. — 198 с.

³³ Африка и реформа ООН / И.О. Абрамова, А.М. Васильев, А.Ю. Урнов, Л.Л. Фитуни // *Глобальное управление: возможности и риски*. — М.: ИМЭМО РАН, 2015. — С. 268–270. Бокерия С.А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. — 2022. — Т. 17. — № 2. — С. 189–207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>. Ларионова М.В. Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля глобального объединения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. — 2015. — № 1. — С. 125–134. Сидорова Г.М. Совет Безопасности ООН как эффективный инструмент по обеспечению мира и стабильности в Африке // *Дипломатическая служба*. — 2021. — № 1. — С. 36–43. — <https://doi.org/10.33920/vne-01-2101-04>. Шубин В.Г. Зачем Южной Африке БРИКС и зачем БРИКСу Южная Африка. // *Индекс безопасности*. — 2013. — № 2. — С. 57–70. Ютяева И.Р. Миротворческая деятельность ООН в Африке в XXI веке. — Москва : МГИМО, 2026. — 379 с.

³⁴ Урнов А.Ю. Африка и ООН на исходе первого десятилетия XXI века. Вопросы развития, миротворчества и реформирования ООН. М.: Институт Африки РАН, 2011.

³⁵ Abubakar A. Nigeria and the Commonwealth: a record of mutual services // *The Round Table*. — 2004. — Vol. 93. — № 373. — pp. 43–49. <https://doi.org/10.1080/0035853042000188175>. Ade-Ibijola A. Nigeria's Ambition for the United Nations Security Council within the Context of Historical Antecedents and Domestic Realities: Analysis of the Prospects and Challenges // *Advances in Social Sciences Research Journal*. — 2015. — Vol. 2. — pp. 98–107. <https://doi.org/10.14738/assrj.27.1204>. Aitah E. Nigeria's Membership in the Organization of Islamic Cooperation: Origin, Nature, and Impact // *FIU Electronic Theses and Dissertations*. — № 4375. — 2020. <https://doi.org/10.25148/etd.FIDC008981>. Anuoluwapo D., Abdul-Wasi M., Edwin I. South Africa's Inclusion in BRICS: Challenges and Prospects for Development in Africa // *International Journal of African Renaissance Studies*. — 2018. — № 2. — pp. 27–41. <https://doi.org/10.1080/18186874.2018.1519373>. Asuelime L. The Pros of South Africa's Membership of BRICS: A Re-appraisal // *Journal of African Union Studies*. — 2018. — № 1. — pp. 129–150. <https://doi.org/10.31920/2050-4306/2018/v7n1a7>. Bakare O. The Nigerian-Commonwealth and UN relations: Nigeria, from Pariah state to exporter of democracy since 1999 // *Cogent Social Sciences*. — 2019. — Vol. 5. — № 1. <https://doi.org/10.1080/23311886.2019.1658999>. Besada H., Tok E. South Africa in the BRICS: Soft Power Balancing and Instrumentalization // *Journal of International and Global Studies*. — 2014. — № 2. — pp. 76–95. Boule L. The Republic of South Africa and the G20: Its political, national interests and priorities as member of the process // In: Hofmeister W., Vogt S. (eds.). *G20 – Perceptions and Perspectives for Global Governance*. —

Таким образом, в академической литературе накоплен существенный корпус «нишевых» исследований по проблематикам регионального лидерства, многосторонних институтов, отдельных аспектов политики конкретных африканских стран в ключевых международных объединениях.

Вместе с этим заметен дефицит внимания к комплексу вопросов, позволяющих оценить взаимосвязь между усилением влияния отдельных государств в делах собственного региона, ростом их амбиций на глобальном уровне и их участием в международных организациях разного уровня и характера.

Научная новизна диссертации состоит в комплексном определении характеристик региональных держав с учётом особенностей африканского контекста. Исследование предлагает авторскую методологию количественной оценки ресурсов и потенциала влияния региональных держав, за счёт которой в работе эмпирически подтверждён статус ЮАР и Нигерии как ключевых претендентов на этот статус в Африке южнее Сахары.

В работе на конкретных примерах показано, какими могут быть цели и мотивы взаимодействия государств Африки с многосторонними институтами. Особое внимание уделяется взаимосвязи между участием государств в работе международных площадок с тем, как это позволяет им добиваться статусных выгод, направленных на укрепление своего лидерского имиджа.

Автором был выполнен детальный анализ голосования ЮАР и Нигерии в ГА ООН и СБ ООН за последние несколько лет, что позволило выявить их приоритеты в международной повестке и оценить степень последовательности в отстаивании своей позиции по наиболее сложным и спорным вопросам. Автором показано, как участие в форматах сетевой («клубной») дипломатии и

Singapore: Konrad-Adenauer-Stiftung. — 2011. — pp. 135–146. Draper P., Sidiropoulos E., Leicher K. South Africa's Objectives at the G20. — *Konrad-Adenauer-Stiftung*. — 2010. Alden C. South African Foreign Policy and the UN Security Council: Assessing its Impact on the African Peace and Security Architecture // *SAIIA Policy Insights*. — 2015. Alden C., le Pere G. South Africa's Post-apartheid Foreign Policy: From Reconciliation to Ambiguity? // *Review of African Political Economy*. — 2004. — № 100. — pp. 283–297. <https://doi.org/10.1080/0305624042000262293>. Alden C., Schoeman M. South Africa's symbolic hegemony in Africa // *International Politics*. — 2015. — Vol. 52. — pp. 239–254. <https://doi.org/10.1057/ip.2014.47>. Ebegbulem J. The Evolution of Nigeria's Foreign Policy: From the Pre-Independence and Post-Independence Perspectives // *International Journal of Research in Humanities and Social Studies*. — 2019. — Vol. 6. — № 11. — pp. 1–12.

межрегиональных организациях дополняет усилия двух государств в ООН. Выявлены различия в стратегиях ЮАР и Нигерии по взаимодействию с ООН и другими многосторонними институтами, что дало возможность обосновать разницу в реальном потенциале ЮАР и Нигерии: не просто заявлять о себе как о региональной державе на уровне амбиций, но и на практике играть эту роль в международных делах (сочетание «структурной силы» и международного имиджа страны).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Категории «региональная» и «средняя» держава в контексте АЮС отражают разные уровни субъектности государств. Статус региональной державы динамичен и определяется совокупностью материальных ресурсов и политической волей государства к их задействованию с целью обеспечения благоприятных условий для собственного развития и получения статусных выгод. Средние державы могут соответствовать тем же характеристикам, что и региональные, однако, помимо этого, в фокусе их внешней политики находятся вопросы глобальной, а не только региональной повестки. Этот интерес подкрепляется более развитой дипломатической сетью, историей участия в «клубных» международных форматах, а также более высоким уровнем технологического развития.

2. Анализ подтвердил статус ЮАР и Нигерии как основных центров силы в Африке южнее Сахары, показав их существенный отрыв от остальных государств региона. Хотя амбиции регионального лидерства характерны для риторики обеих стран, в реальном потенциале играть эту роль между ними есть заметные различия. Влияние Претории основано не только на объёме экономики, но и на развитом финансовом и бизнес-секторе, обеспеченности критическими ресурсами и технологическом заделе. Напротив, потенциал Абуджи опирается, прежде всего, на объём экономики и демографический рост. В военном и дипломатическом отношении выявлено стратегическое преимущество ЮАР, обладающей развитым ВПК и глобальной сетью партнёрств, в том числе многосторонних. Нигерия, даже успешно продвигая

своих граждан на высокие посты в ООН и других международных организациях, вынуждена приоритизировать задачи внутренней стабилизации и вызовы безопасности в Западной Африке. Анализ позволил концептуально разграничить роли: ЮАР квалифицируется как полноценный региональный лидер и возвышающаяся средняя держава, а Нигерия отнесена к категории региональных держав, чьё влияние на текущем этапе ограничено в основном рамками собственного субрегиона.

3. Дипломатия в многосторонних институтах является принципиально важным вектором внешней политики стран, претендующих на региональное лидерство, поскольку она позволяет превратить накопленный материальный потенциал в реальное политическое влияние. Для Нигерии и ЮАР участие в институтах является активным ресурсом, позволяющим «усиливать голос» по значимым международным досье. Частые избрания представителей ЮАР и Нигерии в состав Совета Безопасности, назначения выходцев из этих стран на высокие должности в системе ООН или посты глав других международных организаций, членство в «сетевых» форматах (БРИКС и G20) позволяет ЮАР и в меньшей степени Нигерии «монополизировать» право выступать от лица всего региона и закрепить за собой этот статус в глазах мирового сообщества. Благодаря формированию выгодной повестки в многосторонних институтах ЮАР и Нигерии также удаётся обеспечивать задачи национального развития.

4. Выявлены расхождения в стратегиях ЮАР и Нигерии в ООН. ЮАР последовательно придерживается линии «средней державы», показывая устойчивый интерес к обсуждению широкого круга международных досье и стремясь сыграть роль «мостостроителя» и «балансира» между Западом и развивающимися странами. Подход Абуджи подвержен внутривосточной конъюнктуре и ограничен лишь несколькими тематическими досье, которые непосредственно связаны с западноафриканским субрегионом. Кроме того, ЮАР оказывается успешнее Нигерии в консолидации вокруг себя «голоса Африки»: расчёты Индекса совпадения позиций служат подтверждением практически постоянной солидарности Претории с другими странами региона

и партнёрами по БРИКС, устойчивостью в голосованиях по политически чувствительным вопросам и по общеафриканской повестке. Охват Нигерией вопросов общеафриканской повестки не столь широкий, как у ЮАР. Вместе с тем при голосовании в ООН по наиболее острым вопросам для Нигерии характерна тактика уклонения или солидаризации с западным блоком стран. Эти наблюдения позволяют рассматривать курс ЮАР как стратегически ориентированный на закрепление статуса лидера всей Африки южнее Сахары. В то же время потенциал Абуджи сдерживается непоследовательностью шагов и ситуативной зависимостью от внутренней повестки и отчасти от западных нарративов.

5. Рассмотрение деятельности ЮАР и Нигерии в сетевых («клубных») и межрегиональных международных форматах позволило уточнить место, которое они занимают во внешнеполитических программах двух стран. Так, для ЮАР такие площадки, как G20, БРИКС и АРСИО, служат инструментом глобального позиционирования, который дополняет усилия Претории в ООН и закрепляет искомый статус в глазах ключевых партнёров. Наиболее успешно дипломатии ЮАР удалось воспользоваться председательствами в БРИКС, АРСИО и отчасти G20. Включение общеафриканской повестки в программу встреч способствовало дальнейшей легитимизации лидерского статуса ЮАР, а подсвечивание Преторией ряда вопросов (финансовый трек, конфликты) дало импульс усилению посреднической роли ЮАР между Югом и Севером и поддержанию её амбиций как «средней державы». Для Нигерии, напротив, подобные форматы значимы как канал ресурсного обеспечения внутреннего развития. Возможности Абуджи ограничены межрегиональными структурами (ОИС, Содружество наций и др.), которые используются преимущественно утилитарно: в целях облегчения долгового бремени, привлечения инвестиций и легитимации влияния в субрегиональном пространстве. Усиление интереса Нигерии к «сетевым» форматам (БРИКС и G20), обозначившееся только при Б. Тинубу, пока что не привело к росту международного влияния страны и не подкрепило её лидерские амбиции.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представления о том, какие государства Африки южнее Сахары и в силу каких причин можно отнести к категории региональных держав и в демонстрации существенной роли глобальных многосторонних институтов в закреплении за государствами статуса регионального лидера.

Предложенные определения понятий «региональная» и «средняя держава», методологические рамки количественного изучения составляющих влияния региональных держав, практики голосования государств в главных органах системы ООН формируют основу для дальнейшего изучения этого феномена международных отношений, в том числе применительно к другим регионам мира.

Практическая значимость работы заключается в том, что она может быть использована в качестве справочного материала при разработке стратегий на африканском треке российской внешней политики. Результаты исследования предоставляют исчерпывающие данные и инструменты, которые могут быть использованы специалистами в области международных отношений, а также экспертами-африканистами. Материалы работы могут также представлять интерес для более широкого круга лиц, занимающихся вопросами развития российско-африканских контактов. Наконец наблюдения, сделанные в данном диссертационном исследовании, могут лечь в основу профильных учебных курсов для студентов высших учебных заведений по направлениям подготовки «Зарубежное регионоведение», «Африканистика», «Международные отношения».

Апробация результатов исследования была проведена в ходе 7 научных и профильных мероприятий (в хронологическом порядке):

1) Панин Н.А. Подходы государств Африки южнее Сахары к голосованию в Генеральной Ассамблее ООН: мотивы и тенденции // XXI конференция Школы молодых африканистов. Секция «Международные отношения, внешняя политика». 30 ноября 2022 г., г. Москва, Институт Африки РАН.

2) Панин Н.А. Основные стратегии голосования государств Африки южнее Сахары в ГА ООН // Круглый стол «Мировое большинство: практики голосования африканских стран в ООН». 21 апреля 2023 г., г. Москва, Международный мультимедийный пресс-центр медиагруппы «Россия сегодня».

3) Панин Н.А. Ожидания новых африканских членов БРИКС от участия в объединении // Круглый стол Российского совета по международным делам и Центра изучения Африки НИУ «Высшая школа экономики» «XV саммит БРИКС: итоги и перспективы для России». 16 октября 2023 г., г. Москва, РСМД.

4) Панин Н.А. Проблемы участия государств Африки в СБ ООН // IX международная студенческая конференция востоковедов и африканистов Ex Oriente Lux. 29 ноября 2025 г., г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ).

5) Панин Н.А. Субъектность африканских государств в системе ООН: опыт Южной Африки и Нигерии // Международная конференция «Форум мировой политики 2025» на тему «ООН и многополярный мир». 2 декабря 2025 г., г. Москва, Московский государственный университет (МГУ).

6) Панин Н.А. Региональные державы в африканском контексте: методологический анализ проблемы на примере ЮАР и Нигерии // XXIV конференция Всероссийской Школы молодых африканистов. 3 декабря 2025 г., г. Москва, Институт Африки РАН.

7) Панин Н.А. Осмысление понятия «региональная держава» в контексте Африки южнее Сахары // Круглый стол РСМД «Региональные державы Африканского континента: стратегии лидерства». 6 марта 2026 г., г. Москва, Российский совет по международным делам (РСМД).

Соответствие паспорту научной специальности. Содержание диссертации в полной мере соответствует утверждённому паспорту научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования, а именно: пункту 1 «Теория и методология, методы

анализа, развитие понятийного аппарата», пункту 3 «Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений», пункту 4 «Ценности и интересы в международных отношениях», пункту 11 «Международные организации» и пункту 12 «Внешняя политика и дипломатия».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, перечня таблиц и иллюстраций, списка используемых сокращений, списка источников и литературы, списка сокращений и пяти приложений.

Во введении обоснованы актуальность исследования, определены его объект и предмет, поставлены цели и задачи, охарактеризована теоретическая, методологическая и источниковая база, сформулирована гипотеза, оценена степень научной проработанности темы, раскрыты теоретическая и практическая значимость. Приводятся основные положения, выносимые на защиту, и сведения об апробации исследования.

В первой главе «Концепция “региональных держав” в современной политической науке и её значение в африканском контексте», которая носит теоретико-методологический характер и увязывает общую актуальность темы с прикладным анализом дипломатических практик ЮАР и Нигерии, анализируется феномен «региональных держав» в привязке к специфике Африканского континента. В главе прослеживается эволюция научных взглядов на лидерство в международных отношениях, обосновывается предложенная автором методология оценки ресурсов влияния государств и раскрывается функциональная роль многосторонних институтов как ключевого инструмента реализации и закрепления лидерских амбиций. Автором делается вывод о том, что региональное лидерство зависит не только от материальных ресурсов государства. Наоборот, оно динамично, поскольку в определяющей мере зависит от способности страны легитимировать статус на ключевых международных площадках, задействуя имеющиеся ресурсы.

В первом параграфе прослеживается эволюция академических подходов к определению понятия «региональная держава», начиная с обзора классических работ 1970-х гг. и заканчивая современными подходами. Автор раскрывает ключевые этапы осмысления этой категории государств. Особое внимание уделяется таким определяющим характеристикам, как региональная идентичность, наличие комплекса ресурсов влияния и готовность выступать

проводником коллективных интересов стран того или иного (суб)региона. В этом разделе также подчеркиваются значимые различия между понятиями «региональная» и «средняя» держава и делается вывод о том, что «средние державы» предъявляют более широкий интерес к международной повестке, считая значимыми не только вопросы своего региона и опираясь на развитую дипломатическую традицию.

Во втором параграфе обосновывается статус ЮАР и Нигерии как двух основных претендентов на роль регионального лидера в АЮС. На основе расчётов Индекса влияния государств Африки доказывается, что ЮАР обладает более широким и сбалансированным спектром ресурсов влияния и что в то же время потенциал Нигерии не столь разносторонен и связан, прежде всего, с общим объёмом экономического и демографического ресурса. В параграфе показано, почему именно ЮАР, а не Нигерия, по совокупности дипломатических и технологических факторов может быть квалифицирована как средняя держава с глобальными амбициями.

В третьем параграфе международные организации и иные площадки многосторонней дипломатии проанализированы в ракурсе того, как они могут выступать незаменимой ареной для обоснования, поддержания и закрепления государствами статуса регионального лидера. В нём раскрывается широкий спектр мотивов взаимодействия государств континента с многосторонними институтами: в частности, в роли основных площадок для социализации элит, конвергенции ожиданий, «усилителя голоса» отдельных стран по вопросам, которые находятся непосредственно в центре их внимания. Указывается, что участие государств в «клубных форматах» по типу G20 или БРИКС, а также встраивание национальных представителей в международную бюрократию позволяют ЮАР и Нигерии не только лоббировать национальные интересы, но и формировать общерегиональную повестку. Автором делается вывод, что усилия двух государств по линии многосторонней дипломатии укрепляют их особый статус среди прочих стран Африки в глазах мирового сообщества, и

по этой причине международные форматы — значимый канал легитимации лидерских амбиций ЮАР и Нигерии.

Вторая глава «ООН как инструмент влияния региональных держав» посвящена анализу деятельности ЮАР и Нигерии в Организации Объединённых Наций как ключевому инструменту укрепления их статуса региональных лидеров. На основе изучения дипломатической практики двух государств делается вывод, что площадка ООН служит для ЮАР и Нигерии трибуной для артикуляции национальных интересов, чему способствует и возможность использования этими странами трибуны этой организации для легитимации своего статуса «голоса Африки».

В параграфе «Основные цели и средства взаимодействия ЮАР и Нигерии со структурами системы ООН» на конкретных примерах показана трансформация интересов и политики ЮАР от морально-ценностного подхода эпохи президента Н. Манделы к современной практике прагматичного дипломатического балансирования, укрепившегося при С. Рамапосе, где важное место занимает «мостостроительство» ЮАР между Севером и Югом. Указывается также, что стратегия Нигерии в ООН увязана с императивами внутреннего развития, а лидерские притязания Абуджи обосновываются за счёт вклада страны в миротворчество и продвигаемые ей инициативы по созданию режима контроля за стрелковым оружием. Подчёркивается, что оба государства привержены принципу регионализации безопасности, стремясь в этом русле укрепить прямое партнёрство между ООН и Африканским союзом. В параграфе также сопоставляются практические действия ЮАР и Нигерии в главных органах ООН, при этом автор опирается на количественные методы: контент-анализ выступлений глав государств и Индекс совпадения позиций при голосовании на ГА. Показано, что ЮАР проявляет последовательный интерес к глобальной повестке, а Нигерия пока привязана к проблемам собственного субрегиона и задачам внутренней стабилизации. На основе данных по голосованиям двух стран в ГА ООН доказывается тезис о том, что ЮАР более успешно консолидирует свой голос с общеафриканским мнением,

одновременно сохраняя политическую связку с БРИКС, тогда как Нигерия чаще следует в русле западного нарратива по особо политизированным вопросам (например, конфликт на Украине). В то же время в качестве сильной стороны нигерийской дипломатии выделяется заметное кадровое присутствие выходцев из Нигерии на высоких должностях в системе ООН, равно как и в других международных организациях.

В параграфе «Африканские подходы к реформированию ООН в свете позиций ЮАР и Нигерии» национальные позиции двух государств соотнесены с общеафриканским консенсусом Эзулвини по реформе ООН. В этом разделе подчёркиваются заметные различия в тактике лоббирования: если ЮАР опирается на поддержку БРИКС и «Группы четырёх», то Нигерия пока лишь ищет широкой поддержки своей кандидатуры и аргументирует свои претензии демографическим весом и ориентированным на страны Запада статусом «крупнейшей демократии» континента. Проводится мысль о том, что в поиске поддержки других влиятельных игроков на мировой арене ЮАР и Нигерия отступают от принципов консенсуса Эзулвини — общей позиции африканских государств по реформе ООН, согласно которой любое решение о конкретных странах-претендентах на постоянное место в СБ ООН должно приниматься внутри Африканского союза.

В третьей главе «Проявление лидерских амбиций ЮАР и Нигерии на ключевых глобальных и межрегиональных площадках» проведён анализ стратегий взаимодействия двух стран с рядом ключевых институтов помимо ООН: в контексте сотрудничества через неформальные «клубные» форматы и участия в межрегиональных объединениях со специализированной повесткой. Показано, каким образом эти взаимодействия дополняют ресурс лидерства ЮАР и Нигерии как региональных держав. Автором делается вывод о том, что для ЮАР участие в «клубных форматах» G20 и БРИКС не столько дало импульс для социально-экономического развития, сколько наделило Преторию статусным ресурсом, позволяющим выступать «голосом Африки» по ключевым вопросам международной повестки. Нигерия, в свою очередь,

пока находится в поиске оптимальной модели встраивания в многосторонние структуры, но уже в настоящее время извлекает определённые тактические выгоды из каждого формата, участником которого является.

В первом параграфе прослеживается уникальная роль ЮАР как единственного постоянного государства Африки в «Группе двадцати», а также африканского «основателя» формата БРИКС. Особое внимание уделяется трансформации отношения ЮАР к БРИКС и превращения этого формата в реальный политический инструмент в арсенале Претории, который на практике закрепляет статус ЮАР как «ворот в Африку» и «мостостроителя» между развитым Севером и развивающимся Югом. В разделе также показано, как южноафриканской дипломатии удаётся продвигать на площадках G20 и БРИКС общеафриканские приоритеты и инициативы, такие как «Повестка 2063» и НЕПАД.

Вместе с этим оценивается потенциал для взаимодействия Нигерии с этими неформализованными форматами глобального управления. Отмечено, что политика Абуджи в отношении G20 и БРИКС долгие годы оставалась пассивной, и только с приходом к власти Б. Тинубу наметилась активизация усилий Нигерии с целью полноценного вхождения в эти форматы. Кроме того, лидерские притязания Нигерии, прежде всего, увязаны с целями внутреннего развития и поиском капитала и внешней поддержки для решения задач национальной безопасности. Указывается, что на текущий момент Нигерия сталкивается с проблемой «заполненности» квот представительства Африки в этих объединениях, особенно после волны расширения БРИКС и включения в G20 Африканского союза.

Второй параграф в сопоставительном ключе раскрывает особенности внешнеполитического позиционирования двух держав в межрегиональных форматах (Содружество наций, Движение неприсоединения, Организация исламского сотрудничества, Ассоциация регионального сотрудничества стран Индийского океана). Рассмотрены общие черты участия Нигерии и ЮАР в этих институтах, которые заключаются в стремлении использовать их как

«трамплин» для озвучивания значимых для их политики вопросов на более широкую международную аудиторию в дополнение к основным усилиям по линии ООН. В то же время подчёркивается, что Нигерия более эффективно задействует Содружество и ОИС для решения прикладных задач (облегчение долгового бремени или сокращение разрыва в развитии северных и южных штатов), тогда как для ЮАР все эти форматы имеют более символическое значение, поскольку усилия Претории по формированию повестки и развитию потенциала этих институтов не дали ЮАР желаемых дивидендов. Однако по совокупности дипломатической активности в международных объединениях этого порядка подтверждается вывод, что именно ЮАР обладает признаками средней державы, чьи стратегические интересы не ограничиваются Африкой.

В заключении диссертации подводятся основные итоги исследования в соответствии с заявленными целью и задачами. На концептуальном уровне в работе обосновывается авторское определение «региональной державы» как динамической категории, «членство» в которой того или иного государства зависит не только от располагаемых материальных ресурсов, но и от того, насколько такое государство способно задействовать их во внешней политике и, в частности, легитимировать лидерский статус через многосторонние институты. С помощью разработанного автором «Индекса влияния государств Африки» доказываемая, что ЮАР обладает устойчивым превосходством над Нигерией и другими странами региона по ряду социально-экономических, военных и политико-дипломатических параметров. При этом в исследовании раскрываются и систематизируются основные функциональные модальности взаимодействия стран Африки с международными организациями. В случае ЮАР и Нигерии показывается, как их многосторонняя дипломатия позволяет этим странам конвертировать свой потенциал в международное признание и получать право голоса не только по региональной, но и глобальной повестке.

В ходе сопоставительного анализа деятельности ЮАР и Нигерии в ООН выявлен существенный контраст внешнеполитических стратегий двух стран. ЮАР достаточно последовательно стремится играть роль «мостостроителя» и

посредника, а также модератора ключевых политических процессов в АЮС. Нигерия проводит более реактивный курс, ориентированный на решение прикладных задач внутренней безопасности и развития. Показано, что южноафриканская дипломатия более успешно консолидирует свой голос с общерегиональным и партнёрами по БРИКС, тогда как голосования Нигерии выявляют большую подверженность внешнему давлению и меньший спектр действительно значимых для Абуджи вопросов за пределами региональной повестки. В контексте реформирования ООН автор подчёркивает, что ЮАР предлагает более комплексное видение трансформации всей организации, в том числе за счёт усиления политической роли ГА ООН и ЭКОСОС. В то же время притязания Нигерии пока ограничиваются поиском поддержки своего постоянного членства в СБ ООН, причём круг сторонников Абуджи не такой широкий, как у ЮАР.

При анализе «клубных» и межрегиональных многосторонних форматов выявлено, что для ЮАР участие в G20, БРИКС и отчасти в АРСИО стало важным статусным ресурсом, поддерживающим линию Претории в ООН. Такой подход позволяет расширить число площадок, с трибуны которых ЮАР выступает в роли «голоса Африки», а общий тематический охват форматов, где ЮАР принимает активное участие, отражает широкий характер интересов ЮАР на международной арене, не ограничивающийся делами своего региона. Напротив, длительное дистанцирование Нигерии от БРИКС и G20 и не столь активное участие в Содружестве, Движении неприсоединения, ОИС и других организациях иллюстрируют концентрацию интересов страны в Западной Африке, что сказывается и на её способности играть роль полноценного регионального лидера в Африке южнее Сахары.

В приложениях конкретизирована методология расчёта показателей Индекса влияния государств Африки, резюмированы его значения по странам, приведены значения Индекса совпадения позиций ЮАР и Нигерии с другими странами при голосовании в ГА и СБ ООН, а также общий рейтинг государств

Африки по присутствию их выходцев на руководящих постах в структурах ООН.

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации соискателя в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК:

1) Панин Н.А. Роль международных организаций во внешней политике Нигерии после перехода к гражданскому правлению (1999–2025) // Сравнительная политика. — 2025. № 2 (16). — С. 185–215. — DOI: 10.46272/2221-3279-2025-2-16-9.

2) Панин Н.А. Международные организации и внешняя политика государств Африки южнее Сахары: концептуализация ролей и взаимозависимостей. // Учёные записки Института Африки РАН. — 2025. — № 4 (11). — С. 45–64. — DOI: 10.31132/2412-5717-2025-73-4-45-64.

3) Панин Н.А. Деятельность ЮАР и Нигерии в системе ООН в контексте их лидерских амбиций в Африке. // Азия и Африка сегодня. — 2025. — № 11. С. 75–82. — DOI: 10.7868/S2782238925110088.

4) Панин Н.А. Африканские стратегии: сопоставление подходов ключевых игроков на континенте на современном этапе. // Учёные записки Института Африки РАН. — 2023. № 3 (64). — С. 29–47. — DOI: 10.31132/2412-5717-2023-64-3-29-47.

Публикации соискателя в прочих научных изданиях:

1) Панин Н.А. Фактор БРИКС в дипломатии ЮАР. // Пути к миру и безопасности. — 2023. Т. 2. № 65. С. 91–101. — DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-91-101 (входит в «Белый список», 2 уровень).

2) Панин Н.А. Практика голосования государств Африки южнее Сахары в ГА ООН: последние тенденции и основные стратегии. Рабочая тетрадь № 74. М., НП РСМД, 2023. С. 64.

3) Панин Н.А. Многосторонняя дипломатия // Африка 2023: возможности и риски. Экспертно-аналитический справочник. / Под ред. А.А. Маслова. — М., Центр изучения Африки НИУ ВШЭ, 2023. — С. 163–182.

4) Panin, N. (2024). An African Vector for BRICS. In: *Russia-Africa Cooperation: Outlook and Objectives (report)*. Pp. 39. Valdai Discussion Club. ISBN 978-5-907845-08-4. URL: <https://valdaiclub.com/files/45111/>.